

На правах рукописи

КАРДАШЕВ
Эльдар Надырович

**КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СКЛОНЕНИЯ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(тюркские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Махачкала – 2008

Диссертация выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Дагестанский государственный педагогический университет»

Научный руководитель - доктор филологических наук доцент
Гаджиев Эльдар Набиевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор
Абдурахманова Пасихат Джалиловна

кандидат филологических наук доцент
Батырмурзаева Ума Мамашевна

Ведущая организация - Дагестанский институт повышения
квалификации педагогических кадров

Защита состоится « 28 » декабря 2008 г., в 14.00 часов, на заседании диссертационного совета Д 212.051.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Дагестанском государственном педагогическом университете по адресу: 367003, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М.Ярагского, 57, ауд.140 (4-й этаж)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Автореферат выставлен на сайте ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет» « 27 » ноября 2008 г.

Автореферат разослан « 27 » ноября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

Э.Н. Гаджиев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена рядом обстоятельств. Прежде всего следует отметить, что кумыкский язык характеризуется не только рядом специфических фонетических особенностей, но и наличием в его морфологии своеобразных характеристик (показателей), обусловленных как внутренним строем языка, так и языковыми контактами с родственными и неродственными языками.

Некоторые аспекты изучения категорий имен существительных в кумыкском языке в той или иной мере затронуты в научных трудах современных кумыковедов, однако морфемика склонения имен существительных еще не подвергалась специальному монографическому исследованию. Между тем общетюркские разновидности склонения характеризуются яркими специфическими фонетическими и семантическими признаками. На материале кумыкских типов склонения можно проследить различные лингвистические процессы, лексико-семантические явления, структурные изменения, что, безусловно, представляет значительный научный интерес для исследования категориальных особенностей морфологии кумыкского и других тюркских языков.

Объектом исследования являются категориальные особенности морфологии современного кумыкского языка.

Предмет исследования – система склонения и способы ее выражения в кумыкском языке в сравнительном аспекте с другими тюркскими языками.

Степень изученности темы. Вопросы морфологии в тюркских языках рассматривались неоднократно. В современной тюркологии имеются работы, посвященные исследованию категорий имен существительных, прилагательных и глаголов на материале турецкого, азербайджанского, узбекского, казахского, татарского и других языков. Проблема категорий имен существительных кумыкского языка затронута в работах таких тюркологов, как Н.К. Дмитриев, Ю.П. Долинина, В.М. Благова, Н.Э. Гаджихмедов, Д.М. Ханги-

шиев, Н.Х. Ольмесов, К.С. Кадыраджиев, А.З. Абдуллаева и др. Монографическое исследование системы склонения в современном кумыкском языке проводится впервые в данной работе.

Цель исследования. Основная цель диссертации заключается в выявлении и всестороннем, системно-комплексном анализе категориальных особенностей склонения имен существительных в современном кумыкском языке. Достижение этой общей цели требует постановки и решения ряда конкретных задач:

- проведение анализа лексико-морфологической структуры имен существительных в тюркских языках;
- выявление различных основ в системе кумыкской лексики и морфологии;
- решение проблемы становления и развития категории падежа в кумыкском языке на материале имен существительных;
- выделение функционально-семантических особенностей тюркских падежных форм и определение их места в системе склонения современного кумыкского языка;
- сравнительно-исторический анализ падежных словоформ в кумыкском языке в аспекте решения спорных проблем их происхождения;
- характеристика категориальных и пространственных изменений в составе имен существительных кумыкского литературного языка.

Материал и источники исследования. Основным источником послужил материал кумыкского литературного языка и фольклора. Кроме того, привлекается материал диалектов кумыкского языка, других родственных тюркских языков. Частично использован полевой материал, собранный путем опроса кумыкского населения, а также данные лингвистических словарей тюркских языков.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды современных лингвистов, разрабатывавших проблемы категорий имен существительных в тюркских языках. В основу диссертационного исследования

легли идеи и взгляды тюркологов Н.К.Дмитриева, Н.А.Баскакова, А.Н.Конова, А.К.Боровкова, Е.У.Убрятовой, А.А.Юлдашева, А.М.Щербака, Б.А. Серебренникова, А.В.Бондарко, Д.М. Насилова, а также дагестанских кумыковедов, И.А. Керимова, Н.Э. Гаджихмедова, Д.М. Хангишиева, Н.Х. Ольмесо́ва, Ю.Д. Джанмавова, К.С. Кадыраджиева, А.З. Абдуллаевой, Э.Н. Гаджиева и др.

Научная новизна исследования заключается в постановке проблемы, требующей освещения достижений кумыкского языкознания в интересующей нас области и связанной с углубленным изучением тюркской системы склонения в современном кумыкском языке. В диссертации последовательно рассматриваются пространственные и функционально-семантические особенности категории падежа имен существительных в кумыкском языке. Проблема происхождения и развития тех или иных падежных показателей – одна из сложных и спорных в тюркологии, что обусловило необходимость глубокого освещения этого вопроса с привлечением данных по тюркским языкам. Научная новизна работы также состоит в том, что впервые подробно освещены различные семантические и морфологические процессы, характерные для кумыкского литературного языка.

Теоретическая значимость работы. Исследование падежной системы имен существительных на лексико-семантическом и морфологическом уровнях имеет особое значение для разработки вопросов описательной и сравнительно-сопоставительной лексикологии и морфологии кумыкского языка. Результаты исследования категорий имен существительных раскрывают ряд невыясненных вопросов морфологии, лексики и семантики кумыкского языка, что дает возможность проследить историю развития многих структурных закономерностей его на разных уровнях.

Практическая ценность работы. Материалы и результаты исследования кумыкских падежных словоформ могут быть использованы в преподавании современного литературного кумыкского языка в школах и вузах Рес-

публики Дагестан, проведении спецкурсов и спецсеминаров по тюркской морфологии, в подготовке учебников и учебно-методических пособий по грамматике кумыкского языка, при составлении различного рода словарей, в том числе этимологического словаря кумыкского языка.

Методы исследования. В диссертационной работе в основном используются описательный и сравнительный методы с аппеляциями сопоставительного характера к близкородственным языкам и диалектам современного кумыкского языка. Попытки уточнения категориальных особенностей некоторых тюркских морфем потребовали применения и методики сравнительно-исторического анализа. В ряде случаев привлекаются приемы типологического и лингвистического анализов.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры турецкого языка Даггоспедуниверситета (2006-2008), научно-практических сессиях преподавателей и сотрудников этого вуза (2006-2008), межвузовских научно-теоретических конференциях Даггосуниверситета (2007, 2008). Результаты исследования нашли применение в преподавательской деятельности автора. По теме диссертации опубликовано шесть статей.

На защиту выносятся следующие положения исследования:

1. Основанная на разработках, посвященных лингвистической теории тюркских морфем, а также связанных с изучением всех родственных языков, тюркология вносит существенные коррективы в представления о происхождении и развитии падежной системы.

2. Углубленное изучение категориальных особенностей кумыкского и других тюркских языков возможно при сближении методов и приемов разных областей языкознания, что позволяет выработать точные процедуры исследования различных сторон морфологии.

3. При изучении категорий имен существительных кумыкского языка в описательном аспекте требуется использование комплексной методики с целью полного раскрытия всех существующих в нем морфем.

4. Опираясь на методы современной лингвистики позволяет выявить в современных кумыкских именах существительных равномерный характер морфологических показателей, основанных на системе тюркского склонения и оригинальных послеложных форм.

5. Лингвистические и категориальные особенности кумыкских имен существительных в сравнительно-сопоставительном освещении позволяют проникнуть в глубь системы склонения тюркских языков, а также объяснить различные сложные вопросы тюркской морфологии.

Структура работы определена основной проблемой исследования, его целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списков использованной литературы, иллюстративного материала и условных сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, сформулированы цель и задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, представлены основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** диссертации рассматривается состояние изучения проблемы падежной системы в тюркском языкознании.

В современной тюркологии остро стоит проблема склонения, которой всегда уделялось особое внимание ученых, что обусловлено сложностью ее изучения и многогранностью категории падежа в тюркских языках.

Система склонения в тюркских языках складывалась на протяжении многих столетий в результате действия тенденций, восходящих к разным

хронологическим периодам. В тюркологии отмечается два состояния системы общетюркского склонения – как более позднего, предшествующего распаду тюркского праязыка, так и более раннего, характеризовавшего тюркский праязык. Общетюркское склонение рассмотрено в работе В.А. Богородицкого, который уделял большое внимание генезису падежных окончаний, восстановлению их «древнейших типов» [Богородицкий 1953: 151-159].

В некоторых работах тюркологов определены пути развития падежной системы тюркских языков, изменения древнего состояния их падежной системы и причины этого [Серебренников, Гаджиева 1979: 77-89]. Эти труды заложили прочный фундамент сравнительно-исторического исследования склонения в тюркских языках.

Однако изучены далеко не все аспекты формирования тюркского склонения. При этом не учитывалось специфическое взаимодействие категории падежа с другими тюркскими грамматическими категориями и, как следствие, далеко не всегда принималось во внимание существование различных структурных разновидностей тюркского склонения: за пределами сравнительно-исторического исследования остались парадигматические отношения.

Во втором разделе главы рассматривается взаимодействие категорий падежа и принадлежности, которое в большей части тюркских языков имеет собственный стабильный морфологический показатель, не имеющий ограничений по линии множественного числа. Это так называемый вставной *-н-*, который вычленяется при склонении имен с аффиксом принадлежности 3-го лица особенно четко в локальных падежах (дательный, местный, исходный). До настоящего времени вставной *-н-* часто рассматривался в составе посессивно-именных форм 3-го лица как компонент, лишенный грамматического значения. Грамматическая трактовка предложена А.Н. Кононовым, рассматривающим *-н-* в качестве «показателя посессивности» [Кононов 1980: 160-165]. Однако в современной тюркологии имеется и несколько иная грамматическая трактовка *-н-*, нацеленная на осмысление и показ того противопо-

ставления «простого» и «притяжательного» склонения, которое действует в большинстве тюркских языков.

В третьем разделе анализируется исследование падежной системы в тюркологии. В сравнительной грамматике тюркских языков общетюркская парадигма склонения разными авторами представлена в составе шести или восьми падежей. В результате историко-типологического исследования морфологии тюркских языков построена общетюркская парадигма склонения с тем же составом продуктивных падежей (в нее не включены пять рудиментарных падежей – сравнительный *-дай*; сравнительно-предельный *-ча*; творительный времени *-н*; исходный места *-тын*; дательный направления *-гара*) [Баскаков 1979: 225-228]. По мнению А.М. Щербака [1977: 60-64], общетюркская парадигма насчитывает восемь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, местный, исходный, творительный, сравнительно-ограничительный.

При подобном сравнении общетюркских парадигм склонения рассмотрению подлежат такие вопросы, как количественный и качественный составы падежей, входящих в общетюркскую парадигму; количественный и качественный состав словоизменительных аффиксов для каждого из падежей, включаемых в данную парадигму.

В четвертом разделе исследуются структурные разновидности тюркского склонения. Падежное изменение имен в тюркских языках происходит путем агглютинации, которое сопровождается в некоторых случаях известными фонетическими явлениями. При этом морфологические правила в большинстве своем касаются того, какими способами категория принадлежности формирует и преобразует парадигму склонения в различных группах тюркских языков.

Взаимодействие в тюркском склонении категорий принадлежности и падежа, так же, как и учет морфологического выражения данного явления, заставляют задуматься над вопросом о статусе «простого» и «притяжательно-

го» склонений в тюркологии. Общепринятое разделение тюркского склонения на «простое» и «притяжательное» нами предлагается рассматривать на уровне морфологии как две структурные разновидности и соответственно называть их «именная парадигма» и «посессивно-именная парадигма».

В тюркских языках устойчивым оказалось одно средство противопоставления двух парадигм, а именно посессивный *-н*. Это считается почти универсальным средством, по которому вычленяется посессивно-именная парадигма тюркского склонения. Оно используется как дифференциальный признак в практике классификаций тюркских языков.

В пятом разделе главы рассмотрены классифицирующие признаки тюркского склонения и его структурные параметры. Классифицирующие признаки тюркского склонения – это не простые формы, они связаны между собой в каждом тюркском языке сетью соотношений, определенным характером распределения их в именной и посессивно-именной парадигмах.

В систему классифицирующих признаков склонения должно быть включено такое универсальное для тюркских языков средство выражения взаимодействия категорий принадлежности и падежа, как посессивный *-н* в локальных падежах имен, снабженных аффиксом принадлежности 3-го лица. Все перечисленные выше формы склонения традиционно используются в практике общих и частных классификаций тюркских языков, построенных с учетом фонетических и морфологических признаков. Однако при этом формы склонения обычно привлекаются либо по отдельности, либо в неполном наборе.

В шестом разделе проводится классификация типов тюркского склонения, которая строится при учете как фонетических, так и морфологических факторов, неодинаково действующих в различных языках при изменении имен по падежам. Она строится с учетом двух противопоставлений (гласное склонение – согласное склонение, именная парадигма – посессивно-именная парадигма), которые не изолированы друг от друга, а наоборот, взаимодействуют между собой, накладываясь одно на другое, как это можно видеть при

рассмотрении типов склонения. Два типа тюркского склонения можно считать огузским и кыпчакским, третий условно назвать уйгурско-кыпчакским, а четвертый – карлукским.

Огузский тип склонения (турецкий, азербайджанский, гагаузский, туркменский языки и др.) характеризуется противопоставлением при склонении имен, оканчивающихся на гласный, и имен, оканчивающихся на согласный. Основы, оканчивающиеся на согласный, в родительном, винительном, дательном падежах получают алломорфы с начальным гласным (*-in, -i; -a*). Основы, оканчивающиеся на гласные, в этих же падежах получают алломорфы с тем или другим вставным элементом.

Кыпчакский тип склонения охватывает наибольшее количество тюркских языков. В этом типе, как и в склонении уйгурско-кыпчакского типа, в целом отсутствует противопоставление разновидностей склонения имен на гласные и согласные. В именной парадигме, независимо от того, оканчиваются ли склоняемые основы на гласный или согласный, используются только падежные алломорфы с начальным согласным. В кыпчакском типе склонения собственными дистинктивными признаками располагает не только каждая из падежных парадигм, но также каждая из частей посессивно-именной парадигмы.

Уйгурско-кыпчакский тип склонения (сарыг-югурский язык) характеризуется отсутствием противопоставления имен на гласные и согласные. Для тех и других используются падежные алломорфы с согласным в анлауте, причем это правило распространяется как на именную, так и на посессивно-именную парадигмы. Этому типу тюркского склонения характерно противопоставление именной и посессивно-именной парадигм только 3-го лица.

Карлукский тип склонения характеризуется отсутствием противопоставления гласной и согласной разновидности, точно так же, как и противопоставления посессивно-именной и именной парадигм. В соответствии с этим узбекский и уйгурский языки, представляющие данный тип склонения,

располагают только одной консонантической серией падежных форматов для именной и посессивно-именной парадигм.

Проведенная классификация типов тюркского склонения, способствуя его сравнительному изучению, показала, что преобладающему большинству тюркских языков свойственно противопоставление посессивно-именной и именной парадигм за счет наличия в первой из них *-н-*.

Во **второй главе** исследуется система склонения кумыкского языка в функциональном и структурно-семантическом аспектах.

Первый раздел посвящен анализу категории падежа в кумыкском языке. В современной тюркологии проблема категории падежа занимает особое место по причине сложности этой грамматической категории как таковой, а также наличия противоречивых мнений по вопросу ее квалификации. Несмотря на специальные исследования в этой области, в ряде тюркских языков, в частности кумыкском, данная проблема является актуальной и до конца еще не решенной. Исследование тюркских падежных форм связано с определенными трудностями, так как употребление падежей дает яркую картину эмпирического многообразия значений.

Основной задачей изучения падежей в тюркских языках, в частности в кумыкском, считаем объединение многообразного в одно целое, проведение теоретического анализа эмпирического многообразия падежных значений в современной тюркологии. Выделяем в системе тюркского склонения «простое» и «притяжательное» склонения в виде двух структурных разновидностей и, следовательно, называем их именной и посессивно-именной парадигмой вместо других разнообразных наименований, которые употребляются в современном тюркском языкознании.

В кумыкском типе склонения собственно дистинктивным признаком обладает не только каждая из падежных парадигм, но и каждая из частей посессивно-именной парадигмы. Этим рассматриваемый в предыдущей главе кыпчакский «северный» тип склонения отличается от огузского «южного»,

где одним таким признаком располагает только посессивно-именная парадигма 3-го лица. Как видим, в кыпчакском типе склонения внутрипарадигмные и межпарадигмные соотношения характеризуются некоторой неравномерностью.

Следует отметить, что в кумыкском языке категория падежа представлена шестью соотносительными формами со следующими формальными показателями:

Именная парадигма		Посессивно-именная парадигма	
Основной падеж	Имплицитный показатель	Основной падеж	Имплицитный показатель
Родительный падеж	<i>-ны, -ни, -ну, -ню</i>	Родительный падеж	<i>-ны, -ни, -ну, -ню</i>
Винительный падеж	<i>-ны, -ни, -ну, -ню</i>	Винительный падеж	<i>-ны, -ни, -ну, -ню</i>
Дательный падеж	<i>-гъа, -ге</i>	Дательный падеж	<i>-а, -е, -на, -не</i>
Местный падеж	<i>-да, -де</i>	Местный падеж	<i>-нда, -нде</i>
Исходный падеж	<i>-дан, -ден</i>	Исходный падеж	<i>-ндан, -нден</i>

Сопряженность категорий принадлежности и падежа имеет место не только в семантическом и синтаксическом планах, но и в плане парадигматическом: это, так называемый, «вставочный» *-н-*, который появляется при склонении имен с аффиксом принадлежности 3-го лица в локальных падежах (дательном, местном, исходном). Таким образом, пересечение двух категорий принадлежности и падежа имеет собственный морфологический показатель.

Основной падеж кумыкского языка (*баш гелиш*) определяется как форма имени, не имеющая материального падежного показателя. В целом выделение основного падежа непосредственно связано, прежде всего, с существующим в тюркологии отождествлением понятия «нулевой показатель» с абсолютным отсутствием показателя.

В основном падеже имя существительное может выступать в функции всех членов предложения. Многообразие синтаксического использования основного падежа ставит исследователя перед необходимостью выяснить, каковы те значения имени существительного в основном падеже, которые поз-

воляют ему выступать именно в данных функциях. Синтаксическое использование основного падежа показывает, что этому падежу свойственны различные значения, которые оказываются своеобразно разделенными между его функциями. Различные функции и значения основного падежа находятся в сложных отношениях как между собой, так и с функциями и значениями других падежей. В кумыкском языке основной падеж в функции подлежащего имеет конкретно-предметное и отвлеченно-предметное значения: 1) *Эренлер бары бирдей тенг болмас* (Й.Къзакъ) «Герои все не могут быть одинаковыми»; 2) *Биз, яшлар, ата-анабызны, сюндюрме герекбиз* (У.Мантаева) «Мы, дети, должны радовать родителей».

Основной падеж в функции сказуемого не имеет конкретно-предметного значения. В этом случае именное сказуемое выражает родовое понятие. Здесь активизированы качественные потенции имени существительного: *Аялу анам, мен гьар заман сени алдында борчлу турагъан уланман* (М.Абуков) «Дорогая мама, я - сын, который всегда в долгу перед тобой».

В кумыкском языке основной падеж является формой определения в одном из двух типов притяжательных изафетных конструкций. При этом наглядно проявляется предметно-качественное значение имени существительного в основном падеже: *Герейни гёзюне эшик алда токътагъан Аминат тийди* (С.Токъболатов) «На глаза Гереею попалась Аминат, которая стояла в дверном проеме».

В данном падеже имя существительное может выступать в функции прямого дополнения. При этом основной падеж прямого дополнения имеет место тогда, когда предметная определенность объекта несущественна для высказывания, когда слово, находящееся в роли прямого дополнения, не соотносено с конкретным предметом данного класса и имеет значение родового наименования данного класса предметов. В таком случае действие не переходит на объект, а лишь характеризуется со стороны объекта.

Основной падеж – не просто обозначение или название предмета, он – понимание всякого предмета в его соотношении с самим собой. Основной падеж – это не просто фиксирование предмета как такового, а фиксирование вообще чего бы то ни было в качестве соотнесенного предмета, т.к. подлежащим может быть не только основной падеж, но и всякий другой падеж и вообще любая часть речи.

Таким образом, кумыкский основной падеж выражает отношение данного имени к нему же самому, а не к другим именам или действиям. Основной падеж в функции подлежащего – выражение предмета именно как данного предмета, а не как чего-то другого и не как воздействующего на что-то другое. В различных отношениях по-разному присутствуют моменты соотношения и названия предметов.

Родительный падеж кумыкского языка (*еслик гелиш*) выступает как форма имени существительного, относящегося к другому имени существительному в функции определения этого имени, которое (определяемое) принимает показатель принадлежности 3-го лица: *шагъарны башы* «начало города», *китапны охумасы* «чтение книги», *тептерни тышы* «обложка тетради» и др. Основной сферой употребления родительного падежа является изафет III. Используясь в составе данной изафетной конструкции в качестве ее первого компонента, обсуждаемая форма проявляет свои специфические свойства: если второй компонент изафетной конструкции более самостоятелен, т.е. может получать форму других падежей, то первый компонент «жестко» привязан ко второму формой родительного падежа. Этими свойствами родительного падежа обусловлено его своеобразное положение в системе склонения: родительный падеж – единственный из падежей, не управляемый глаголами. Показатель родительного падежа в каждом конкретном случае добавляет к значению основы служебную информацию: предмет, называемый основой, следует воспринимать как обладателя какого-либо другого предмета. Например: *Тавланы алашаракъ туманы...* (Йыр) «Низкий туман гор...»;

Бийип турагъан Герейни гёзюне эшик алда токътагъан аминат тийди (С. Токъболатов) «Во время танца на глаза Гереею попалась находящаяся в дверях Аминат».

Значение родительного падежа, несомненно, содержит в себе обобщенное языковое представление о принадлежности, которое имеется в значении каждой из форм категории принадлежности. Такая сопряженность этих двух категорий, видимо, и является причиной смешения некоторыми тюркологами значений форм принадлежности и падежных форм в составе изафетной конструкции: *Махачкалада поездден тюшгенде вокзалгъа чыкъмакъ учун магъа Абдулла къалгъан вагонну алдындан оътме тарыкъ болду* (К.Абуков) «Во время высадки из поезда в Махачкале, чтобы выйти на вокзал, мне пришлось пройти перед вагоном, в котором остался Абдулла».

В кумыкском языке родительный падеж как форма определения с конкретно-предметным значением, соотносимого с определяемым на основе категории принадлежности, противостоит основному падежу, который также может употребляться в качестве определения при определяемом, относимом к нему на основе категории принадлежности, но имеет в этом случае не конкретно-предметное, а отвлеченно-предметное значение.

Винительный падеж кумыкского языка (*тюшюм гелиш*) выступает как морфологическое средство указания на то, что предмет, называемый исходной основой, воспринимается автором высказывания как объект непосредственного воздействия: *Мен поездге миндим ва газетни охума башладым* (К. Абуков) «Я сел в поезд и начал читать газету».

Семантика винительного падежа представляет образ, в котором отражены, обобщены и закреплены такие взаимоотношения предметов и действий, при которых действие прямо и непосредственно распространяется на предмет, наиболее полно затрагивает его: *Кимге сораса да, сурагъны гёрсетсе де, гъеч жавап берегени ёкъ, башын чайкъап къоя* (И. Керимов) «У кого бы ни спросил и фотографию показал, никто не отвечает, только головой

кивает». В кумыкском языке винительный падеж может управляться субстантивированными глагольными формами. Так, например: *Озью не мурат булан чыкъгъанны къысгъача айта* (В. Дыдымов) «Он сам коротко объясняет, с какой целью вышел». *Мен микрофону алып, не сёйлегенимни билмей токътадым* (Г. Давутов) «Я, взяв микрофон, не знал, что и сказать».

Наряду с основным падежом, винительный падеж является формой прямого дополнения. В отличие от основного падежа, используемого только в позиции прилегающего дополнения, винительный падеж употребляется как в прилегающей, так и в отстоящей позициях. Так, например: *Мен проектни алма автогаражны конторуна, инженерни кабинетине гетдим* (Г. Давутов) «Я пошел за проектом в контору автогаража, кабинет инженера».

В кумыкском языке независимую сферу составляет использование винительного падежа в позициях, где основной падеж в функции прямого дополнения употребляться не может: 1) в отстоящей позиции: *Бу хабарны мен Абдурахман агъавдан эшитдим* (М. Ягъияев) «Этот разговор я услышал от дяди Абдурахмана». *Тракторну да, автомобилни де юрютмеге бизге школада уьйретген* (Г. Давутов) «Вождению и трактора, и автомобиля нас научили в школе»; 2) при инверсии: *Ит талагъан йимик эди эки де къолу Абдулмуслим агъавну* (К. Абуков) «Обе руки Абдулмуслима были словно их покусали собаки». *Вай, къазакълар яллатды бизин рагъат ожакъны* (Т. Бейболатов) «Ой, казаки сожгли наш спокойный дом».

Дательный падеж кумыкского языка (*багъым гелиш*) передает значения, относящиеся к широкому диапазону различных ступеней абстракции, тем самым представляет наиболее полисемичную единицу кумыкской морфологии. Так, например: *Къойчу улангъа не герек? – Кёрпе чачлы къыз герек!* (Йыр) «Что нужно молодому пастуху? – Пышноволосая девушка нужна!».

Дательный падеж кумыкского языка при взаимодействии с глаголами движения сигнализирует о том, что обозначенный именем предмет может быть объектом, в направлении которого совершается действие: *Сумкасында*

Маматгъа ошайгъан бир нече сураты да бар эди (И. Керимов) «В ее сумке было несколько фотографий, похожих на Мамата» или которого достигает действие, осуществляющееся в направлении к нему: *Гъали мен шагъаргъа багъын бараман* (У. Мантаева) «Сейчас я направляюсь в сторону города».

Вместе с тем существуют другие типичные значения дательного падежа в современном кумыкском языке: а) когда объект выступает со значением адресата, по отношению к которому совершается действие: *Председатель савунчу къызгъа бир затлар гёрсетип тура эти* (И. Керимов) «Председатель показывал что-то доярке»; б) когда объект выступает в роли предназначения: *Къуру къолгъа къуш къонмас* (Посл.) «На пустую (сухую) руку птица не сядет»; в) когда объект является целью: *Салибий Яхсайгъа алгъамгъа гетген эди* (Ш.Альбериев) «Салибий выезжал в Аксай на соболезнование»; г) когда объект выступает причиной: *Шу сезлени Анвар масгъарагъа айтды* (Ю. Алимханов) «Эти слова Анвар сказал в шутку» и др.

Приведенные выше значения дательного падежа объединяет то, что они обозначают объект, по отношению к которому или в отношении которого что-либо имеет место.

Дательным падежом кумыкского языка управляют также послелогии (*къаршы* «против», *таба* «через», *ерли* «до», *багъын* «в сторону»), которые связаны с пространственными значениями: направительным, достигательным и предельным: *Гиччи яшлар медресеге багъын юрюп йибердилер* (Р. Расулов) «Маленькие дети пошли в сторону медресе». *Экинниге таба Абдуллатип де, мен де къаршылашдыкъ* (А. Сулейманов) «Ближе к послеобеденному времени Абдуллатип и я встретились». *Ахшамгъа ерли ёл къарап турдукъ, тек бир зат да билип болмадыкъ* (И. Керимов) «До самого вечера мы ждали, но ничего не смогли узнать».

Все существующее разнообразие предметных связей, передаваемых посредством формы дательного падежа кумыкского языка, весьма велико. Названные нами значения дательного падежа можно свести к следующей аб-

стракции: предмет есть объект, находящийся с каким-либо явлением в таком косвенном отношении, которое характеризуется направленностью к этому объекту. Такую абстракцию и следует признать основным грамматическим значением формы дательного падежа в кумыкском языке.

Местный падеж кумыкского языка (*ер гелиш*) отличается единством грамматических показателей и выражаемых ими значений. Имя существительное в форме местного падежа обозначает предмет, являющийся местом, точкой или пространством, в котором происходит какое-либо событие: *Ол топракьда ятгъан, амма дёнмеген* (А. Сулейманов) «Он лежит в земле, но не вознесся». В форме местного падежа имя обозначает предмет, являющийся моментом или временным отрезком, в котором или в течение которого происходит событие: *Шо мюгьлетде сюдюр гётерилди, ёлгъа чыкьды...* (К. Абуков) «В этот момент силуэт поднялся, вышел на дорогу...».

В своих пространственных значениях местный падеж соотносительен с дательным и исходным падежами, как падеж со статическим значением местонахождения, противостоящим значениям направленности действия к объекту или от объекта: *Школадан къайтгъан сонг уьйде турушум болмады* (К. Абуков) «После возвращения из школы я не смог находиться дома».

Отношения пространства и времени в содержании данной падежной формы наиболее наглядны при одновременном использовании говорящим в одном и том же высказывании как пространственных, так временных значений: *Уллу кьушлукъ вакътиде арба егиле, огъар еки бел, Умукюрсюнлерден кийизлер салына* (В. Дыдымов) «В большое перелетное время телегу запрягают, кладут в нее две лопаты и войлок Умукюрсюн».

Возникшие отношения, передаваемые местным падежом, говорящий может «обнаруживать» и в сфере отвлеченных понятий. Так, например: *Жыйымда сёйлейгенлер: кьумукълар, руслар, тавлулар – гьасил калам, бары да русча сёйлей эди* (А. Кабардиев) «На собрании выступающие: кумыки, русские, аварцы – в общем все говорили по-русски».

В кумыкском языке в предикативном использовании местный падеж обозначает местопребывание, местонахождение, приурочение к определенной части пространства: *Магъач Таргъу Тавну башында токътагъан* (И. Керимов) «Махач остановился на вершине горы Тарки».

Таким образом, основным в семантической сущности местного падежа является предмет в функции объекта, с которым каким-либо образом сопряжен другой объект.

Исходный падеж кумыкского языка (*чыгъым гелиш*) отличается своей многозначностью среди остальных падежей. Основными значениями в семантической сущности данного падежа являются пространственные значения. В случае передачи пространственных отношений эта форма сигнализирует о двух разнородных типах связей: 1. Называемый именем предмет представляет собой объект, от которого осуществляется действие, движение: *Чакъны кюю Антарктидадан, не де Афгъанистандан уьфюреген еллеге гёре тюгюл...* (Г. Давутов) «Погодные условия не зависят от ветра, дующего со стороны Антарктиды или Афганистана»; 2. Называемый именем предмет представляет объект, по которому или через который совершается движение: *Школагъа юрюйгенде бу кёнюрден Аймесей къозу йимик ойнакълап чыгъа эди* (Г. Давутов) «По дороге в школу Аймесей, играя как коза, переходила через этот мост».

Указанные выше примеры символизируют то, что отложительные и трансгрессивные значения в семантике исходного падежа ассоциируются с разными языковыми значениями. При этом родственные отложительные отношения могут выражаться следующими значениями: 1. Объект выделения (различения): *Къатынгишилерден бирлери давда оьлген эрлерине къайгъырып гёзьяш тегелер* (В. Дыдымов) «Некоторые из женщин оплакивают мужей, погибших на войне»; 2. Объект узнавания (информации): *Ичтеги уьйде языв этип турагъан Запир эшик къагъылгъанны узун къулакъдан эшитди* (К. Абуков) «Запир, занятый письмом в дальней комнате, издали слышит».

услышал стук в дверь»; 3. Объект определенной помощи (пользы): *Мен сенден бир затны тилемеге сюемен* (З.Атаева) «Я хочу просить тебя об одном»; 4. Объект происхождения (родства): *Атасындан кьалгъан саламатлыкъны, инсанлардан юкьгъан рагьмулукъну бир ери авуртгъандокъ унутуп кьала эди* (А. Сулейманов) «Унаследованная от отца грация, перешедшее от людей благородство пропадали, как только у него что-то заболит»; 5. Объект причины (повода): *Рагьман гьар кьайсы ишге де жаны-кьаны булан айлана, тек семизлигинден озью сюеген кюйде айланып болмай* (Г. Давутов) «Рахман за любую работу берется с большим желанием, но из-за своей полноты не может работать, как ему хотелось бы»; 6. Объект сырья (материала), из которого изготовлен предмет: *Шо вакътиде башында кьой териден этилген чачал бёркю булангъы бирев уьйден чыкьды* (К. Шамсутдинов) «Кто-то в папахе из овечьей шкуры на голове в этот момент вышел из дома»; 7. Объект, некоторым образом участвующий в сложившейся ситуации: *Уланынг Гьажиден сагъа сагьынгъан салам* (М. Ягьияев) «От твоего сына Гаджи тебе пламенный привет»; 8. Объект отличия (сравнения): *Биз, кьызлар, уланлардан артда кьалмай охумагъа гереkbиз* (М. Абуков) «Мы, девочки, должны учиться, не отставая от мальчиков»; 9. Объект лишения (деривации): *Сен шулай тизив кюрзеден магьрюм кьалдынг* (Р. Расулов) «Ты лишился такого вкусного кюрзе»; 10. Объект ограждения (защиты): *Ёлгъа чыкьгъан адамлар балагьдан сакъланып болдулар* (А. Сулейманов) «Вышедшие на дорогу люди смогли уберечься от беды».

Содержание исходного падежа сводится к следующему: предмет является объектом косвенного отношения, характеризующегося направленностью от него. Использование исходного падежа для передачи трансгрессивных отношений предполагает наличие у него второго значения – предмет есть объект косвенного трансгрессивного отношения, а третье значение в содержательном потенциале исходной формы на *-дан* связано с временным пределом, после которого совершается действие.

Последний раздел главы посвящен общей характеристике падежной системы в кумыкском языке, в котором категория падежа позволяет выделить два ряда оппозиций: 1) малый ряд форм, включающий грамматические падежи – основной, винительный и родительный; 2) большой ряд форм, включающий пространственные падежи – дательный, исходный и местный. Падежи первой группы соотнесены друг с другом посредством противопоставления конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений, тогда как падежи второй группы соотнесены своими пространственно-временными значениями друг с другом.

В **третьей главе** работы исследуется морфологическая структура имен с пространственными значениями в кумыкском языке.

В первом разделе рассматриваются структурно-семантические особенности некоторых падежных форм кумыкского языка. Основной падеж в кумыкском языке, как и в других тюркских языках, по мнению тюркологов, никогда не имел особого окончания и был представлен или чистой основой слова, или основой, осложненной одним из словообразовательных аффиксов.

По мнению К.С.Кадыраджиева, ранее в тюркских языках основной падеж имел специальный показатель, который распределял имена существительные, оформляемые им, на определенные и неопределенные [Кадыраджиев 1999: 56]. По мнению Б.А.Серебренникова [1986: 75-77] и других тюркологов, родительный падеж на ранних стадиях существования тюркских языков полностью отсутствовал. Его заменяла так называемая изафетная конструкция. Два имени существительных, из которых одно было определением, другое определяемым, соединялись способом простого примыкания. Второе имя существительное получало притяжательный аффикс, указывающий на связь определяемого с определением [Баскаков 1952; 98].

В тюркских языках, винительный падеж имеет двойную функцию. Он не только указывает на объект действия, но одновременно квалифицирует этот объект как объект определенный, в той или иной мере уже известный го-

ворящему. Если ранее объект был неопределенным, то форма его выражения ничем не отличалась от формы именительного падежа [Серебренников 1986: 78]. Показателем определенного винительного падежа были аффиксы *-ы//и*, *-ыг*, *-иг*. В кумыкском языке винительный падеж фонетически идентичен с показателем родительного падежа. Такое смешение указанных аффиксов – явление вторичное. В составе современного винительного падежа *-ны* компонент *-н-* результат вставки вторичного согласного. Компонентом винительного падежа является здесь гласный *-ы-*. В составе кумыкского показателя утерян этимологический ауслаут *-г* [Баскаков 1952; Гаджиева 1979; Дмитриев 1940; Кадыраджиев 1999; Серебренников, Гаджиева 1986; Щербак 1977].

Некоторые тюркологи склонны утверждать, что наиболее древним формантом винительного падежа в тюркских языках был *-ыг//и*, поскольку эта форма встречается в древних тюркских памятниках.

Падежная система кумыкского языка так же, как и других тюркских языков, включает в себя целую серию направительных падежей, которая считается особенно многочисленной. Вполне вероятно, что это многообразие отражает диалектное дробление тюркских языков. Многие показатели направительных падежей неизменно содержат элемент *-в-*, как бы соединяемый какими-то конкретизаторами основного значения, ср. падежные аффиксы *-а*, *-ра*, *-ча*. Возможно, что основным направительным падежом ранее был падеж с аффиксом *-а*, элементы *й*, *р* и *ч* выражали какие-то нюансы значений. Следует также иметь в виду, что аффиксы отдельных направительных падежей могут соединяться, образуя новые направительные падежи со сложными аффиксами.

Описанная выше ранняя система тюркских падежей была не вполне рациональна, что привело к формированию новой падежной системы, состоящей из шести падежей. Эта система как основа неизменно присутствует в любом из современных тюркских языков.

Во втором разделе главы исследуются пространственные отношения в системе склонения кумыкского языка, в котором как и во всех тюркских языках, падежные формы в основе своей едины для именных частей речи. Система значений падежей, их соотношение и взаимозаменяемость изучены еще не в полном объеме

Основной падеж представляет собой исходную форму слова и как прямой падеж противостоит всем другим, так называемым косвенным, падежам не только по отсутствию аффиксов, но и по своему значению и грамматической функции или, как падеж подлежащего, хотя эта его функция не является единственной. Существительные в основном падеже имеют как независимую, так и зависимую позиции. Независимая позиция показывает отсутствие синтаксических отношений. Этой позицией основной падеж противопоставляется всем остальным падежам, выступающим в большинстве случаев в зависимой позиции. В самостоятельном употреблении имя в основном падеже выполняет функцию подлежащего, обозначая предмет, явление, процесс или пространство: *машин узаклаша* «машина удаляется»; *къырыйлары сыргъалакъ болду* «берега стали скользкими». Хотя эта его функция не является единственной.

Дательный падеж по своим значениям более целостен, чем остальные косвенные падежи. Дательный падеж (беспредложный) имеет одно значение косвенного объекта. Это особенно ярко проявляется в случаях, когда дательным падежом управляют те же глаголы, что и винительным: *ёлдашына гьат язма* «писать письмо товарищу». В указанном примере глагольное действие направляется на оба предмета одновременно, но при этом глагол, управляя дательным падежом, охватывает действием первый предмет - *письмо*, а второй предмет – *товарищу* - адресат, который непосредственно не затрагивается глагольным действием.

Существительные в форме исходного и местного падежей способны принимать аффиксы сказуемости 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа: *мен юрт-*

данман «я из села», *сиз о якълардасыз* «вы в тех краях», *биз шагъардабыз* «мы в городе» и т.д. Исходный падеж на *-дан*, *-ден* связывается с межтюркским аффиксом исходного падежа *-тын*. Впервые данный аффикс обнаружен в древнетюркском и уйгурском языках [Ramstedt, 1951: 5], затем и во многих других тюркских языках, ср. башк. *яшыртын* «тайком», *акыртын* «потихоньку» [Дмитриев, 1948: 116]; кум. *алашадан* «снизу» [Дмитриев, 1940: 51]. При сочетании с глаголами, имеющими значения отделения, выделения, исходный падеж указывает на источник этих действий: *ватанындан айрылмак* «расстаться с родиной». Количественно-отделительное значение выражается именами в исходном падеже, имеющими количественное определение.

В третьем разделе главы исследуются послелого и послеложные слова, которые играют особую роль в системе склонения кумыкского языка. Среди послелогов и послеложных слов кумыкского языка особый интерес вызывают такие служебные слова, которые в сочетании с лексемами, имеющими пространственное значение, приобретают в контексте или в сочетании значения, близкие к пространственным.

Имеются и такие служебные слова, которые в других тюркских языках сохранили пространственное значение, но в кумыкском его утратили. В первую очередь это относится к послелогам *сайын* и *булан*. *Булан* выражает в основном совместность, но может употребляться в значениях «по, в, на», выражая пространство или место, по которому совершается действие (идёт, летит, перемещается и т.д.). Послелог *ерли* выражает протяженность до конечной точки: *Москвагъа ерли дёрт юз километр бар* «До Москвы всего сорок километров»; *Бу тав коьлге ерли узатылгъан* «Эта гора тянется до озера».

Как видно из значений этих лексем, послеложные слова, образованные от них, выражают пространственные отношения в двух плоскостях: вертикальной и горизонтальной. Особенность послеложных слов в отличие от по-

слелогов заключается в том, что они употребляются в трех падежных формах (дательном, исходном и местном).

Связь послеложных слов с предыдущими именами устанавливается с помощью аффикса принадлежности 3-го лица, то есть управляемое имя может иметь аффикс родительного падежа, а послелог – аффикс принадлежности (форма изафета III: *тавны уьстюне* «на поверхность горы, на гору») – послелог в дательном-направительном падеже, *тавны уьстюнден* «с поверхности горы, с горы» - послелог в исходном падеже, *тавны уьстюнде* «на горе» - послелог в местном падеже.

Словосочетания с послеложными словами выражают следующие пространственные отношения: а) если послеложные слова оформляются аффиксом дательного падежа, то выражается направленность действия: *Атылман терекни башына оьрлене* «Белка карабкается к верхушке дерева»; *Атылар майданны ортасына етишди* (А. Сулейманов) «Кони домчались до середины площади»; *Ит ону устюне атылды* «Собака бросилась на него»; б) если послеложные слова оформляются аффиксом исходного падежа, то выражается исходный пункт действия: *Бир гюн яшлар тавны башындан тюшюп гелдилер* «Однажды дети спустились с горы»; *Юртну онг ягындан ёл шагъаргъа бара* «С правой стороны аула идет в город большая дорога».

Таким образом, видим, что наряду с основными падежными, а также дополнительными падежными формами в тюркских языках имеются послелогии и послеложные слова, которые играют весьма значимую роль в синтаксическом плане в системе современного тюркского склонения, рассмотренного нами на материале современного кумыкского языка.

В **заключении** подводятся итоги проведенного исследования, определяются перспективные направления в изучении системы склонения тюркских языков.

В тюркологической литературе вопрос о падежах занимает особое место ввиду сложности самой грамматической категории и наличия полярных

подходов к ее квалификации. Несмотря на наличие специальных исследований в этой области, в целом ряде тюркских языков настоящая проблема до конца не решена.

Изучение падежных форм представляет значительные трудности, так как употребление падежей дает пеструю картину эмпирического многообразия значений. Эти трудности двоякого рода: затруднения, связанные с разграничением отдельных значений, и препятствия на пути осмысления единства далеких друг от друга значений.

Настоящая работа представляет собой исследовательское решение сложной задачи, проверку на конкретном фактическом материале принципов истолкования системы тюркского склонения. Основная задача изучения падежей в кумыкском языке – это сведение многообразного к единству, теоретическое осмысление эмпирического многообразия падежных значений в современной тюркологии.

В кумыкском языке категория падежа представлена шестью соотносительными формами с присущими формальными показателями.

Падежные показатели в слове занимают место, как правило, после аффиксов словообразования, числа и принадлежности, но не всегда находятся в абсолютном конце слова, как это принято считать. Существительные в форме дательного, исходного и местного падежей способны принимать аффиксы именной категории сказуемости.

Исследование категории склонения в кумыкском языке позволяет выделить два ряда оппозиций: малый ряд форм, включающий так называемые грамматические падежи – основной, винительный и родительный; большой ряд форм, включающий пространственные падежи - дательный исходный и местный. Падежи первой группы соотнесены друг с другом посредством противопоставления конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений, падежи второй группы соотнесены друг с другом своими пространственно-временными значениями.

Падежная система кумыкского языка так же, как и других тюркских языков, включает в себя целую серию направительных падежей, которая считается особенно многочисленной. Вполне вероятно, что это многообразие отражает диалектное дробление тюркских языков.

В системе тюркского склонения особую и оригинальную роль играют послелого и послеложные слова, среди которых особый интерес вызывают такие служебные слова, которые в сочетании с лексемами, имеющими пространственное значение, приобретают в контексте или в сочетании значения, близкие к пространственным.

Таким образом, наряду с основными и дополнительными падежными формами в тюркских языках имеются послелого и послеложные слова, которые играют весьма значимую роль в синтаксическом плане в системе современного тюркского склонения, рассмотренного нами на материале современного кумыкского языка.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

Статья, опубликованная в издании, включенном в перечень ВАК РФ:

1. К вопросу исторического развития тюркской падежной системы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Выпуск № 4. – СПб., 2008. – С. 93-95.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

2. Классифицирующие признаки тюркского склонения и его структурные параметры // Вопросы дагестанских языков и литературы. Вып. 3. – Махачкала: ДГПУ, 2007. – С. 65-68.

3. Взаимодействие и взаимовлияние категорий принадлежности и падежа в системе тюркского склонения // Культурология Дагестана. Вып.2. – Махачкала, 2007. – С. 46-49.

4. О проблеме морфологической структуры слова в тюркских языках // Материалы II международной тюркологической научно-практической кон-

ференции «Межкультурный диалог на филологическом пространстве». – Махачкала: ДГПУ, 2008. - С. 75-76.

5. Структурные разновидности тюркского склонения // Материалы международной молодежной научной конференции «Современная наука и молодежь». – Махачкала: ДГПУ, 2008. – С. 144-145.

6. Особенности развития системы склонения в тюркских языках // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Вып. № 4. – Махачкала: ДГПУ, 2008. – С. 75-78.